

УДК 94(410)''1837/1901''

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-102-109

EDN: IVPJDU

ASJC 1202

ГРНТИ 03.29

Ссылка для цитирования: *Васильева С. А.* Социальный компромисс как средство противостояния криминогенности общества // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 102–109. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-102-109. EDN: IVPJDU

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПРОМИСС КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КРИМИНОГЕННОСТИ ОБЩЕСТВА

С. А. Васильева

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 390000, Россия, Рязань, ул. Сенная, 1

vasi-svetlana@yandex.ru

SPIN-код: 1520-9530

В рецензии анализируется монография Анастасии Шабуниной «Социальный компромисс в викторианской Англии (1850–1884)» издательства «Аквилон». Автору удалось интересное, оригинальное и информативное исследование в русле современного историографического жанра – новой социальной истории. Обширный эмпирический материал и его оригинальное прочтение посредством обращения к традиционным историческим и междисциплинарным методам позволяют говорить о методологической состоятельности и научно-практическом значении рецензируемого труда. Применение интердисциплинарной исследовательской модели к широкому корпусу исторических источников позволило проанализировать эволюцию социокультурной практики социального компромисса. В книге представлен глубокий анализ становления форм и методов социального компромисса в английском обществе в рассматриваемый период. Особое внимание сосредоточено на анализе культурных концептов, ценностных категорий исследуемого общества, учете мировоззренческих интерпретаций явлений современниками. Автор книги детально рассматривает формы коммуникации властной элиты и рабочих и приходит к выводу, что к концу викторианского периода в Англии была сформирована модель урегулирования социальных противоречий путем расширения социального законодательства и предоставления политических прав рабочим, что позволило преодолеть затяжной экономический кризис и впервые в истории европейских стран заложило принципы государства «всеобщего благоденствия», позволяющие трансформировать социальную политику государства без разрушительных революционных потрясений путем практики социального компромисса. Научную глубину и фундированность монографии придают приложения со статистическим и иллюстративным материалом. Книга представляет обширный материал для дальнейших дискуссий и окажет большую помощь в частных исторических исследованиях, ориентированных на междисциплинарный подход.

Ключевые слова: А. К. Шабунина, викторианская Англия, социальный компромисс, интердисциплинарная исследовательская модель, конфликтогенность общества, социокультурный конфликт.

Разве Англия не доказывает, что компромисс
необходимое условие цивилизации...

М. Горький «Жизнь Клима Самгина»

Российскому англоведению – одному из самых востребованных направлений в отечественной исторической науке – редко удастся остаться свободным от политизированных оценок под влиянием текущих отношений между двумя странами. Дрейфуя в широком исследовательском диапазоне от англomanии к англофобии, отечественные англоведы не теряют интерес к истории Великобритании, выявляют новые сюжетные линии, изучают взаимоотношения России и Британии в прошлом и настоящем. Интересно наблюдать, как в периоды преобладания в составе культурно-политической элиты нашей страны сторонников европейской модели разви-

тия английское общество традиционно позиционируется как эталон гражданского общества и источник заимствования институциональных образцов. Так, в последнее десятилетие XX в. в отечественных гуманитарных научных исследованиях наблюдалась настоящая волна «изоляционизма и англоцентризма» – склонности к изучению истории Великобритании с позиции «традиционного британского превосходства», о необходимости преодоления которых неоднократно писала Л. И. Ивонина [Ивонина, 2001]. Прийти к консенсусу и «золотой середине», казалось бы, отечественным исследователям удалось в первые десятилетия XXI в. В целом основные тренды развития отечественного англоведения были озвучены А. Давидсоном, который, с одной стороны, отметил сложность задачи «изучения взаимоотношений России и Британии в прошлом и в настоящем», с другой – призвал историков «всячески помогать преодолению противоречий между странами и способствовать укреплению взаимопонимания не только в научном, но и общественно-политическом отношении» [Горбашова, 2012, с. 177].

В последнее пятилетие все чаще появляются альтернативно маркированные гуманитарные исследования. «Рассматривая в исторической длительности англосаксонскую культуру, в сравнении с текущей политикой и событийности государств англосаксонского пула, легко видеть ее (культуры, цивилизации) основанность на убийстве человека как чужого, так и “своего”», – читаем в книжном обозрении рецензию на одну из новейших монографий [Сибиряков, 2020, с. 162]. Очевидно, что вне зависимости от оценочных суждений объект исследования – компаративный анализ культур Британии и России – остается заманчивым для исследователя, смена фокуса оценки не меняет общую англоориентированность, не теряет актуальности задача наконец проникнуть в секреты Туманного или Коварного Альбиона¹.

Удивительным открытием и настоящим подарком для отечественных англоведов стала монография А. К. Шабуниной «Социальный компромисс в викторианской Англии (1850–1884)» [Шабунина, 2023]. Книга молодого талантливого ученого представляется не только уникальным исследованием социальных процессов викторианской Англии через призму социальной истории, но и предельно объективной работой, свободной от историографических штампов или политизированных оценок.

Следуя известной английской идиоме *dress to impress*², остановимся на первом впечатлении от издания научно-издательского центра «Аквилон». Изящная обложка, воспроизводящая фрагмент картины Дж. О’Коннора «Вид на запад с Пентовилл-роуд, Лондон. Вечер» (1884), увлекает нас в дождливо-туманный мир кэбов, эрл-грея в фарфоровых чашках, утонченных аристократов и крикливых газетчиков. Эстетикой издание напомнило не менее интересную монографию лингвиста Е. Коути «Недобрая старая Англия», посвященную «темной стороне» викторианской Англии – суевериям и трущобам, которая в 2017 г. также стала заметным открытием отечественного англоведения [Коути, 2016]. Обращает на себя внимание раздел «Избранная библиография», которая даже в страничном исчислении выглядит весомо [Шабунина, 2023, с. 429–454], а пристальное рассмотрение позволяет получить представление о специфичной репрезентативной источниковой базе, основой которой выступил комплекс исторических источников различных видов. Хотелось бы особо выделить неопубликованные источники фондов британских и российских архивов, периодическую печать, документы общественных и политических организаций, источники личного происхождения, произведения художественной литературы и пр.

Привлекает читателя цветная вклейка полиграфии высокого качества [Там же, с. 428] – авторская подборка произведений живописи из уникальных коллекций. Визуальные источники, которые отличает «мгновенная апелляция» к эмоциям смотрящего, стали маркером современной историографии, в связи с чем иллюстрации, использованные в книге (вклейка и по тексту монографии) – репродукции картин и гравюр, карикатуры, карты и чертежи, – значительно расширяют инструментарий современного историка и позволяют реализовать новые возможности реконструкции прошлого.

Серьезную исследовательскую работу выдает приложение [Там же, с. 455–522], обобщающее репрезентации разновекторных социальных практик, анализ которых с привлечением

потенциала интердисциплинарной теоретической модели позволил автору реконструировать и описать формы, методы и практики социального консенсуса.

Наконец, позитивное первое впечатление завершает авторское предисловие, посвященное учителям и наставникам, в котором автор трогательно благодарит причастных за советы, поддержку и вдохновение. Монография утверждена к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН – ведущим научно-исследовательским учреждением в составе Российской академии наук, занимающимся изучением всемирной истории.

Продолжая погружение в мир Туманного Альбиона, вспомним очередную идиому *first you judge “how nice”, then you judge “how wise”*³ и посмотрим, как представлена в книге социокультурная практика социального компромисса, реализация которого помогла викторианскому обществу славировать между революцией и реформой и учесть по максимуму позицию разнополярных слоев английского общества в условиях кризиса.

Монография открывается введением, фокусирующим внимание читателя на особенностях и потенциальных возможностях интердисциплинарной исследовательской модели [Там же, с. 33–44], которая в последние десятилетия выступает одним из перспективных направлений научного поиска. Признаемся честно, эту часть книги пришлось «штурмовать» дважды, причем между двумя подходами понадобилось некоторое время на переосмысление и рефлекссию. Несмотря на то что автор монографии интерпретирует объект исследования как *процесс формирования социокультурной практики компромисса* [Там же, с. 15], очевидно, что при рассмотрении данного явления необходимо сосредоточиться на субъектах общественных отношений – властной элиты и социальных низов, – выступавших сторонами конфликта. Такое восприятие неизбежно ведет нас к глубоко укоренившейся в сознании схеме противостояния *буржуазии и пролетариата*, ведь многие из нас, даже получив историческое образование в постперестроечные годы, опирались на наследие таких корифеев советского англоведения, как Н. А. Ерофеев и М. А. Барг, усвоив тезис о «высоком уровне классовой сознательности английского пролетариата» [Там же, с. 116; Ерофеев, 1961], уходящий корнями в классические труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Альтернативный подход к изучению возможных мотивов сторон конфликта предлагает теория *социального контроля*, которая опирается на устоявшееся историографическое и историко-криминологическое понятие «опасные классы»⁴, подводя под единый знаменатель рабочих, мигрантов, «деклассированных элементов» и иных маргиналов [Taylor, 1995]. Сторонники этой теории рассматривают в качестве основной задачи властной элиты – создание жесткой системы социального контроля над «опасными нестабильными членами общества», воплощенной в системе дисциплинарных институтов [Platt, 1994].

«Культурный поворот», который пережила мировая историография во второй половине XX в., способствовал освобождению от доминирующего влияния популярных историографических мифов. Смещение исторических исследований в интердисциплинарное пространство, сближение истории с психологией, антропологией, социологией привели к возникновению новых способов реконструкции исторического мира. А. Шабуниной удалось интересное, оригинальное и информативное исследование в русле современного историографического жанра – новой социальной истории.

Заявленная исследователем модель изучения социального конфликта свидетельствует о глубоком теоретическом осмыслении источников с опорой на комплексные подходы и развитую междисциплинарную методологию. В центр интердисциплинарной модели автор поместил вопросы, находящиеся в эпистемологическом поле новой социальной истории [Шабунина, 2023, с. 42, диаграмма], рассматривая последствия промышленной революции и социальный кризис викторианской Англии как системное многоаспектное явление. Реализованный в исследовании теоретический подход позволил фиксировать данные экономической и социальной истории, учесть анализ политических практик и эволюцию законодательства в соотношении с культурно-аксиологическими и мировоззренческими ориентирами викторианского общества.

Первая глава посвящена анализу социально-экономической ситуации середины XIX в. Автору удалось реконструировать специфику социального положения различных слоев общества, выявить причины формирования социального кризиса в контексте изучения эволюции

социального слоя рабочих, условий труда и быта. Заметим, что А. Шабунина отнюдь не связывает нестабильность в обществе с классовый борьбой в традиционном марксистском понимании. Не игнорируя экономические детерминанты становления капиталистического общества (переизбыток рынка труда, низкую квалификацию рабочих (и как следствие критические условия труда и высокую смертность), отсутствие «глубоко разработанного» трудового законодательства), автор уделяет большее внимание тем социокультурным практикам, в границах которых социальный конфликт явственно проступал. Экономическое положение рабочего класса и социальных низов на начало рассматриваемого в монографии периода было крайне тяжелым. Усугубляли ситуацию проводимый общественно-политический курс, направленный на ужесточение социальной политики (социальный контроль?), а также общественная мораль, в которой «пролетаризировавшаяся» беднота воспринималась крайне негативно. В монографии современного англоведа Ю. Барловой представлен анализ эмоционально-негативных изображений бедности в визуальной культуре Англии XVIII–XIX вв.: «Их эмоциональная нагрузка, как правило, такова, что призвана вызывать неприятие, презрение, отторжение» [Барлова, 2018, с. 164]. В начале XIX в. в «визуальном нарративе» проявилась тенденция изображения бедных как угрозы общественному порядку – движущей силы мятежей, войн и революций. Активизация чартизма подводит накал внутренних социальных противоречий практически к точке невозврата в дихотомии «реформа – революция».

Вторая глава посвящена практикам социального компромисса, в рамках которых отрабатывались конкретные задачи минимизации социальной эскалации. Потребительский кооператив как форма борьбы рабочих за свои экономические права и тред-юнионизм как коммуникационный канал властной элиты и социальных низов позволили сформировать условия для социального одобрения и юридического оформления профсоюзной традиции в Англии, что заложило основу диалога социального компромисса. Вызывает интерес авторский анализ фактора эмиграции – как формы социального компромисса. История английских мигрантов полна противоречий и драматизма. Английский мигрант XVII в. – странствующий пилигрим, борец за веру, смиренный паломник, романтизированный строитель нового мира. Мигрант XVIII столетия – «дурная кровь нации», «преступный хлам, сброшенный к иностранным берегам», «плавающие обломки общества, выброшенные за борт»⁵. Английская интеллектуальная элита аргументировала в пользу экономических и евгенических возможностей эмиграции в целях снижения социальной напряженности и безработицы. А. Шабунина приходит к выводу, что «эмиграция стала осознаваемым социальным клапаном, благодаря которому значительная часть наиболее бедных и радикальных слоев викторианского общества была вывезена из страны, что стало фактором укрепления социального компромисса» [Шабунина, 2023, с. 239].

Третья глава освещает политико-правовые практики, в границах которых шел поиск компромиссного социально ориентированного курса. Включение рабочих в состав электорального корпуса, усиление коммуникации между различными слоями викторианского общества, совершенствование законодательных мер по обеспечению рабочих достойными условиями для жизни, реформы в сфере образования выступали факторами укрепления практики социального компромисса. Идеология и практика реформирования политической системы были теснейшим образом переплетены с развитием *имперской идеи*, которая к концу викторианского периода становится составной частью менталитета рядового британца. Классик социальной истории Англии Дж. М. Тревельян, рассуждая об особенностях национального характера англичан XVIII в., был убежден, что доминирующим фактором формирования британского менталитета выступал «этический кодекс, основанный на христианской доктрине» и «непомерном чувстве долга», которым руководствовались в жизни большинство рядовых членов английского общества [Тревельян, 2002, с. 381, 385]. Столетие спустя, на фоне бурного развития капитализма в экономике и контрастного социального размежевания, христианская доктрина уже не могла в полной мере обеспечить желаемую консолидацию общества. Бенджамин Дизраэли выступил с концепцией «единая нация для мощи империи», которая, по всем правилам современного пиара, жонглируя понятиями «империя», «патриотизм», «согласие», выступила объединяющей межклассовой идеологией и способствовала укреплению британской идентичности. Идея слу-

жения «общему благу» определила складывание нового морального кодекса и способствовала снижению социального радикализма, поскольку активно продвигаемая идеология, «понятная и принятая всеми слоями общества, делающая акцент на межклассовое равенство в условиях национал-патриотизма», приобрела широкую популярность [Шабунина, 2023, с. 309].

Избирательная реформа 1867 г. вовлекла в политическую орбиту представителей рабочей аристократии, что, в свою очередь, привело к трансформации политтехнологий в работе с электоратом. На смену «взбудораженным, грязным, невежественным, грубым подлецам», которых мы наблюдали в предреформенный период (первая глава), приходят новый культурный облик рабочего и соответствующее особое социокультурное пространство. Интеллектуалы и филантропы инициировали проекты образовательных клубов, библиотек и бесплатных школ для рабочих, писатели и журналисты генерировали новые типы «городских» дискурсов, транслирующие викторианцам необходимые нравственные концепты социальной морали [Шабунина, 2023, с. 349].

Последняя глава с говорящим названием «Мир “всеобщего благоденствия”» фокусирует внимание читателя на итогах проведенных социальных реформ 1850–1880-х гг., в ходе которых бедность перестала являться «остро пульсирующей» проблемой викторианского общества. В главе подробно проанализированы комплексные реформы, которые закрепили социокультурные изменения в поведенческих практиках англичан. Один из наиболее интересных результатов этого анализа связан с обращением исследователя к возможностям цифрового инструментария. Применение метода количественного контент-анализа на большой выборке данных английской прессы, проводимого автоматизированно через поисковые фильтры оцифрованной базы данных посредством запроса частоты упоминаний ключевых запрашиваемых слов-категорий в выборке газет, позволило рассмотреть динамику каждой исследуемой категории (например, право, восстание, революция, реформа) в социальном диалоге, изучить эволюцию социальных страхов [Шабунина, 2023, приложение II]. Автор уделяет большое внимание конструированию новой социальной идеологии, которая в итоге приводит к тому, что английские рабочие более «не выбирают путь революционных потрясений, а реализуют свои интересы в правовом поле через парламентское представительство, влияние на политические партии» [Шабунина, 2023, с. 419].

В новом социокультурном ландшафте общественных отношений поздневикторианской Англии идет устойчивое формирование среднего класса и включение его в экономическую и политическую жизнь. Размещение тем бедности, тяжелого положения рабочих, эмиграции в «одобряемом» секторе социальной морали способствовало снижению социальной напряженности. Это нашло отражение в визуальной культуре Англии – появлении картин, рисунков, иллюстраций с эмоционально-позитивным отношением к социальным низам. Ю. Барлова пишет: «Можно предположить, что объяснение этому – общее для английской ментальности нового времени стремление к некоей *идеализации* своего общества, к изображению *гармонии*, основанной на сбалансированной конституции и гражданских свободах, которыми наслаждаются и пользуются даже бедняки» [Барлова, 2018, с. 162]. Социально-культурные и политико-правовые практики компромисса послужили источником продуцирования новых культурных и правовых норм викторианского общества, которое смогло преодолеть конфликт переломной эпохи, «отказавшись от предшествующих паттернов социального поведения, связанных с категориями дихотомичного социокультурного пространства между “революцией” и “реформой”» [Шабунина, 2023, с. 423].

В XIX столетии в большинстве европейских стран социально-экономические изменения привели к увеличению количества маргиналов и росту уровня преступности. История показала, что наиболее предпочтительным способом решения накопившихся социально-экономических противоречий становится революция, движущей силой которой выступали деклассированные элементы. В ходе научной дискуссии 1980-х гг., развернутой на страницах отечественного журнала «Новая и новейшая история», в которой принимали участие ведущие советские историки, а также исследователи из ЧССР и ГДР, был поставлен вопрос о «национальной окраске» в историческом сравнении европейских революций [Блайбер, 1988, с. 79]. Авторы коллектив-

ного исследования «Европейские революции 1848 года. “Принцип национальности” в политике и идеологии» подробно проанализировали переплетение социальных и национальных проблем и форм протеста, когда именно участие в революции давало импульс более быстрому созреванию национального самосознания и смещало национальные программы в сторону большей радикализации [Европейские революции 1848 года, 2001]. А. Шабунина убедительно показала, каким образом выработанные викторианским обществом практики социального компромисса не только успешно купировали революционные движения и деактивировали криминогенные факторы социальных процессов, но и смогли добиться снижения конфликтности внутри страны с помощью возвышения ключевых общенациональных идей, противопоставив национально-освободительной борьбе идеологию «мощи единой Британской империи».

Исследование А. Шабуниной восполняет определенный пробел в отечественном англоведении, давая объяснение практике социального компромисса, которая успешно купировала революционные движения и деактивировала криминогенные факторы социальных процессов. Книга представляет обширный материал для дальнейших дискуссий, предполагает обращение к еще более детальной разработке предложенной автором междисциплинарной исследовательской модели, методологического арсенала современного исторического знания. Анализ исторического опыта практики социального компромисса, реализация которого снизила конфликтность и криминогенность общества и предложила путь преодоления социального кризиса без революционных потрясений, может быть востребован в современных реалиях для выработки общих моделей социально-политических процессов в обществах с трансформирующейся сферой социального обеспечения.

Перспективным для автора книги направлением продолжения темы видится изучение влияния колониальных и геополитических факторов на социокультурную практику социального компромисса, реализованную в Англии викторианского периода. Как коррелировали между собой срез общественного мнения: с одной стороны – идеология «мощи единой Британской империи», с другой – восприятие викторианцами активно-агрессивной внешней и колониальной политики рассматриваемого периода? Каким образом «одобряемая» английскими интеллектуалами и политиками миграция находила отражение в мировоззренческих интерпретациях самих мигрантов, и какие изменения социокультурного ландшафта неизбежно происходили в местах релокации «наиболее бедных и радикальных слоев викторианского общества», которые были вывезены из страны? Возможно, включение в анализ расширенного спектра факторов влияния позволит англоведам переосмыслить статус Британии как «социокультурной лаборатории»⁶ и эталона социальной политики и приведет исследователя к выводу о конкретно-исторической ограниченности опыта социального компромисса.

Примечания

¹ Туманный Альбион – поэтическое название Англии. Коварный Альбион – перифрастическое название, используемое в русской дореволюционной литературе с отрицательной коннотацией.

² Аналог рус. «встречают по одежке».

³ Аналог рус. «проводжают по уму».

⁴ Англ. *dangerous-classes*. Термин впервые появился в 1872 г. из названия книги *The Dangerous Classes of New York*, где под понятием «опасный класс» объединялись выходцы из низшего слоя. Впоследствии термин вошел в англо-американскую историографию, социологию, криминологию. Многие исследователи – сторонники теории «социального контроля» – смешивали понятия *working-classes* и *dangerous-classes*.

⁵ Выборка лексики с ярко выраженной экспрессивной окраской в отношении депортируемых из Англии взята из сочинений английских интеллектуалов XVIII в. (Г. Филдинг, Дж. Хэнвей, Д. Дефо).

Библиографический список

- Барлова Ю.Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб.: Алетейя, 2018. 244 с.
- Блайбер Г., Шмидт В. Европейские революции 1848–1849 гг. в историческом сравнении // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 77–91.

Горбашова Г.Ф. Круглый стол «Российское англоведение в XIX – первой четверти XX вв.», Москва, 14 марта 2011 года // Запад – Восток: науч.-практ. ежегодник. М., 2012. С. 177–180. EDN: RFWTZL.

Европейские революции 1848 г. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М: Индрик. 2001. 456 с.

Ерофеев Н.А. Чартистское движение. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 128 с.

Ивонина Л.И. Международный фактор в политической истории Англии XVII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Смоленск, 2001. 419 с. EDN: QDOBFР.

Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб.: БХВ-Петербург, 2016. 320 с.

Сибиряков П.Г. Язык и национальный характер: англосаксы и русские // Стратегические приоритеты. 2020. № 1–2 (25–26). С. 158–163. EDN: KFYHKE.

Тремельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.

Шабунина А.К. Вызов трансдисциплинарности: предметная область «конфликт – компромисс» // Диалог со временем. 2023. № 83. С. 418–425. DOI: 10.21267/aquilo.2023.83.83.001 EDN: YZVQZK.

Шабунина А.К. Современная демаркация в трансдисциплинарных исторических исследованиях // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 66–80. DOI: 10.18522/2500-3224-2022-3-66-80 EDN: GCLKGY.

Шабунина А.К. Социальный компромисс в викторианской Англии (1850–1884) / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2023. 544 с.

Platt A.M. Rethinking and Unthinking «Social Control» // Inequality, Crime and Social Control / eds. by G.S. Bridges, M.A. Myers. Oxford: Westview Press, 1994. P. 72–79.

Taylor J.M. Resurrection of the «Dangerous Classes» // Journal of Prisoners on Prisons. 1995. Vol. 6, no. 2. P. 7–16.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.02.2025

SOCIAL COMPROMISE AS A TOOL FOR OPPOSING CRIMINOGENICITY IN VICTORIAN BRITAIN

S. A. Vasilyeva

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia

vasi-svetlana@yandex.ru

SPIN: 1520-9530

The review analyzes Anastasia Shabunina's scientific monograph, *Social Compromise in Victorian England (1850-1884)*, published by Aquilon Press. The author has managed an interesting, original and informative study in line with the modern historiographical genre – the “new social history”. The extensive empirical material and its original interpretation through the use of traditional historical and interdisciplinary methods allow us to speak about the methodological consistency and scientific and practical significance of the reviewed work. The application of the interdisciplinary research model to a serious array of historical sources has made it possible to analyze the evolution of the socio-cultural practice of social compromise. The book provides an in-depth analysis of the formation of methods of social compromise in English society during the period under review. Special attention is focused on the analysis of cultural concepts, value categories of the studied society, taking into account the ideological interpretations by contemporaries. The author of the book examines in detail the forms of communication between the power elite and workers and comes to the conclusion that by the end of the Middle Victorian period in England, a model for resolving social contradictions was formed by expanding social legislation and granting political rights to workers, which made it possible to overcome the protracted economic crisis and, for the first time in the history of European countries, laid down the principles of a “welfare state” that the social policy of the state without destructive revolutionary upheavals, through the practice of social compromise. The scientific depth and foundational nature of the monograph are enhanced by the appendices, which include statistical and illustrative material. The book provides extensive material for further discussion and will be of great help in specialized historical research focused on an interdisciplinary approach.

Key words: A.K. Shabunina, Victorian England, interdisciplinary research model, conflict-prone society, socio-cultural conflict, social compromise.

References

- Barlova, Y. E. (2018). *You can't help, you can't punish, you can't tolerate asking? Poverty and assistance to those in need in the socio-cultural space of Modern England*. Aleteyya.
- Blayber, G., & Shmidt, V. (1988). The European Revolutions of 1848–1849 in historical comparison. *Novaya i noveyshaya istoriya*, (5), 77–91.
- Erofeev, N. A. (1961). *The Chartist movement*. Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.
- Gorbashova, G. F. (2012). Round table discussion "Russian English studies in the nineteenth and first quarter of the twentieth centuries" Moscow, March 14, 2011. *"Zapad-Vostok": Nauchno-prakticheskiy ezhegodnik*, 177–180.
- Ivonina, L. I. (2001). *The international factor in the political history of England in the 17th century* (Doctoral dissertation). Smolensk State University.
- Kouti, E. (2016). *Bad old England*. BHV-Peterburg.
- Platt, A. M. (1994). Rethinking and unthinking "social control". In G. S. Bridges & M. A. Myers (Eds.), *Inequality, crime and social control* (pp. 72–79). Westview Press.
- Shabunina, A. K. (2022). Modern demarcation in transdisciplinary historical research. *Novoe proshloe / The New Past*, (3), 66–80.
- Shabunina, A. K. (2023a). The challenge of transdisciplinarity: The "conflict-compromise" subject area. *Dialog so vremenem*, (83), 418–425.
- Shabunina, A. K. (2023b). *Social compromise in Victorian England (1850–1884)*. Akvilon.
- Sibiryakov, P. G. (2020). Language and national character: Anglo-Saxons and Russians. *Strategicheskiye priority*, 25(1-2), 158–163.
- Taylor, J. M. (1995). Resurrection of the "Dangerous Classes". *Journal of Prisoners on Prisons*, 6(2), 7–16.
- The European revolutions of 1848. The "principle of nationality" in politics and ideology*. (2001). Indrik.
- Trevelyan, G. M. (2002). *English social history: A survey of six centuries from Chaucer to Queen Victoria*. Rusich.